

10 НОЯБРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЭТА И ПРОЗАИКА ГЕОРГИЯ ИВАНОВА, ОСТАВИВШЕГО НАМ МЕМУАРЫ О СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ» И «КИТАЙСКИЕ ТЕНИ». ПРОЙДЕМ ПО ЕГО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Каменноостровский, 38 «СТРАШНО БУДЕТ ПОТОМ... ЖИВЫМ»

Огромный дом с небольшой башенкой выстроен в 1910 — 1911 годах по проекту архитектора Вильгельма Ивановича Ван-дер-Гюхта. Жил в нем в послереволюционные годы одно время и наш замечательный поэт (вот опять поэт и дом с башней!).

В первую годовщину революции там стали громоздить какие-то нелепые арки — как символ грядущего триумфа мировой революции.

Стихи не печатались, журналы закрылись. Заработать, чтобы не умереть с голоду, можно было только во «Всемирной литературе», основанной Горьким.

Георгию Иванову Горький дал возможность делать переводы — с французского и английского. Столовались в Доме литераторов на Бассейной. То суп из селедки, то запеканка из моркови. И кипятки, заваренный чем-то, отдаленно напоминающим чай. Давали и сухим пайком.

Один свой путь из Дома литераторов на Бассейной домой, на Каменноостровский, Иванов вспоминает так: «Путь немалый. На Троицком мосту я поставил наземь кулек с

крупой, за которым путешествовал так далеко, и облокотился о перила отдохнуть... Теплый ветер мягко и сильно бьет в лицо. Пушечные выстрелы — глухие с фортов, резкие с какого-то броненосца, оставшегося «верным революции». Красное небо, тающий снег... И кругом ни души».

На мосту он встречает Блока.

«Пшено получили? — спрашивает Блок. — Десять фунтов? Это хорошо. Если круто сварить и с сахаром...»

Он не оканчивает фразы. Точно вспомнив что-то приятное, берет меня за локоть и улыбается...

— Кстати, — он улыбается снова. — Вам не страшно? И мне не страшно. Ничуть. И это в порядке вещей. Страшно будет потом... живым».

Дом искусств (Мойка, 59) КАРТОШКА, ВОБЛА, СЕЛЕДКА И ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ БАЛЫ

По моде тех лет громадный Дом искусств, бывший особняк купцов Елисеевых, называли сокращенно: ДИСК.

Открылся он в 1919 году. Его называют иногда ковчегом, кораблем, спасшим многих деятелей искусства, совершенно не приспособленных к бытовым трудностям военного коммунизма, буквально от голодной и холодной смерти. Здесь можно было получить тарелку селедочного супа, иногда запеканку из мороженой картошки с воблой или пшенку с селедкой. Приходилось стоять за своей порцией в очередь. Это было унижительно, но голод не тетка. Было прохладно, многие не снимали пальто, но современники вспоминают, что Георгий Иванов всегда был в отменно отутюженном костюме и выглядел вызывающе элегантно.

Георгию Иванову запомнился бал-маскарад в этом доме в январе 1921 года. В эмиграции он написал воспоминания об этом событии: «Первый бал за три года существования Северной Коммуны... И вдруг — маски, фраки, улыбки, запах духов, французский говор... Я не люблю балов, но в этом балу, право, было что-то волшебное... призрак легкой, прелестной, потерянной жизни».

Почтамтская, 20 «КАК ВДРУГ ОЧУТИЛСЯ В ЭТОЙ ГЛУХОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЫРЕ»

Это — последний адрес Георгия Иванова в Петрограде.

Когда поэт решил жениться на Ирине Одоевцевой, рыжеволосой красавице, не расставшейся с большим бантом, который стал ее фирменным знаком, любимой ученице Николая Гумилева, он начал искать подходящую квартиру. Получить комнату в ДИСКе не удалось. Все, что ему смогла предложить администрация, — две комнаты: баню с предбанником. Он решительно отказался. И тогда его друг Георгий Адамович, занимавший на Почтамтской, 20, трехкомнатные апартаменты в бельэтаже, любезно предложил поселиться у него. Иванов с Одоевцевой переехали к Адамовичу. Одна из громадных комнат была сдана спекулянту (уже началась уплотнителька). Впоследствии, в эмиграции, Иванов запечатлел этого соседа в романе «Третий Рим».

Летом 1922 года Георгий Иванов начал всерьез подумывать об эмиграции и предпринимать для этого определенные шаги.

После долгих хлопот он все-таки получил разрешение покинуть пределы России в командировку.

Отбыл в Германию на пароходике «Карбо-2». Штормило. Петроград терялся в тумане. Он чувствовал, что уезжает навсегда.

В стихотворении «Белая лошадь бредет без упряжки» есть такие строчки:

*Я, что когда-то с Россией простился
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.*

ИЗГНАНИЕ

Потом был Берлин, затем Париж. Жизнь раскололась на две половины: родина — изгнание. Он прожил вместе с Ириной Одоевцевой долгую жизнь. С 1946 года они испытывали жесточайшую нужду. Когда они еще были не слишком старыми, благодаря ее энергии устроились в комфортабельный дом для престарелых (Йер-ле-Пальме, в департаменте Вар, недалеко от Тулона).

Георгий Иванов умер 26 или 27 августа 1958 года и был похоронен в Йере на местном кладбище. Только через пять лет удалось собрать деньги на перезахоронение под Парижем, там, где покоится цвет русской эмиграции. 23 ноября 1963 года прах знаменитого русского поэта перенесли на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. На могиле поставлен крест из темно-серого гранита. Будете в Париже, сходите почтить память поэта Серебряного века.

Зинаида АРСЕНЬЕВА
Фото Натальи ЧАЙКИ

